

Обе эпиграммы обнаруживают почти дословное сходство между собою. Некоторые их мотивы встречаются в следующих более коротких стихотворениях: X, 58 — Нагим пришел я на землю, нагим ее и покину, — так что же я мучаюсь? X, 59 — Ожидание смерти хуже самой смерти; X, 84 — в слезах человек рождается, в слезах покидает он этот мир: ὃ γένος ἀνθρώπων πολυδάκρυτον (стк. 3); X, 85 — Все мы предназначены для смерти, словно стадо свиней для бойни — ἀλόγως. Сюда примыкает XI, 349 с сатирическими стихами об астрономах¹¹⁸: начните с измерения самих себя, усвойте принцип γνῶθι σεαυτόν (стк. 3) — после этого можете измерять космос. Здесь явственно звучит изложенная Ксенофонтom (Воспоминания о Сократе, IV, 7. 5) беседа Сократа. Комментарий к греческой антологии мог бы в избобилии дать параллели из различных областей греческой философии также и к другим рассмотренным нами местам, но этот комментарий еще только должен быть создан, его так же не достает, как и полного критического издания текста и полного перевода его на один из современных языков. Однако то, что мы хотели доказать, ясно уже из вышесказанного. Было бы тщетным искать во взглядах Паллада определенной философской системы — гораздо вероятнее, что он, будучи начитанным грамматиком, черпал из всех источников, которые отвечали его пессимистически-скептическому отношению к миру. Иногда создается впечатление, что наиболее сильное влияние оказала на него школа Эпикура, учение которого, как известно, имело многих последователей в конце императорской эпохи¹¹⁹ и может считаться „истинной философией Римской империи“¹²⁰. Мы встречаемся с обвинением Паллада в эпикуреизме в речи Фемистия Περὶ τῆς ἀρχῆς (см. стр. 21), а в συμποτικόν, VII, 339 и параллельном к нему X, 118 содержатся элементы эпикурейского стремления к умеренному наслаждению жизнью. Сюда же относится застольная песенка XI, 55, а также стихотворение X, 47, призывающие, несмотря на все печали, не забывать о пище и вине, ибо, как свидетельствует Гомер („Илиада“, XXIV, 602 и сл.), даже Ниоба, пораженная тяжелым горем, не отказалась подкрепить свои силы¹²¹. И для состарившегося поэта насмешки женщин значат так же мало, как для Анакреона (стихотворение 11), которому он в XI, 54 подражает и в поэтической манере. XI, 62 резюмирует: „Жизнь коротка, так пусть вино, женщины и песни сделают ее более сносной“^{121a}; в стк. 6 встречается новая мысль: Τῆλλα δὲ πάντα τύχη πράγματα δὸς διέπειν. Все это порой дословно повторяет „Алкесту“ Еврипида, 782 и сл.¹²² Нет сомнения, что грамматик Паллад был знаком с этой драмой¹²³. Но не следует думать, что представление Паллада о Тихе соиздалось только под влиянием Еврипида. У Еврипида боги — τύχης ἀρχηγε-

¹¹⁸ Неточно озаглавлено „К геометрам“. G. Thudichum. Griechische Anthologie, t. 8. Stuttgart, 1870, S. 1048.

¹¹⁹ См. F. Ueberweg. Grundriss der Geschichte der Philosophie. . . , S. 267.

¹²⁰ W. Windelband. Geschichte der abendländischen Philosophie im Altertum. München, 1923, S. 223.

¹²¹ См. Эпикур, фрагм. 473, 475—477. Фрагм. 409 (ἀρχὴ καὶ ῥίζα παντός ἀγαθοῦ ἢ τῆς χαστρός ἡδονῆς) дошел в тенденциозной передаче.

^{121a} Сюда же примыкает V, 72.

¹²² Слишком сжатый комментарий Л. Вебера к „Алкесте“ (Лейпциг, 1930, стр. 147) не освещает ни общую проблему Тихе, ни вопроса о влиянии в этом отношении Еврипида на Паллада.

¹²³ См. обзор о влиянии Еврипида на позднеантичную литературу у W. Schmid und O. Stählin. Geschichte der griechischen Literatur, Bd. I, T. 3, S. 831 ff.; K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur. München, 1897, S. 602.